

Эмпирический анализ экономической взаимозависимости стран БРИКС+ в контексте региональной ориентации внешней торговли

Исследование выполнено при финансовой поддержке Правительства Ярославской области в рамках научного проекта № 9НП/2024

Гомулина Антонина Алексеевна

аспирант,

ФГБОУ ВО «Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова», г. Ярославль, Российская Федерация

E-mail: gomulina_a@list.ru

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

экономическая взаимозависимость, БРИКС+, структура внешней торговли, региональная ориентация, структурное сходство, объединения неинтеграционного типа

АННОТАЦИЯ

Рост экономического влияния стран Глобального Юга и утверждение БРИКС+ как крупного экономико-политического актора обусловили необходимость пересмотра классических подходов к оценке взаимозависимости стран внутри интеграционных объединений. Цель исследования заключается в выявлении закономерностей торгово-экономического взаимодействия стран БРИКС+ на основе анализа направленности и структурного сходства их экспортных и импортных корзин. Актуальность исследуемой проблемы определяется уникальностью блока, не имеющего наднациональных институтов и объединяющего экономики с разным уровнем экономического развития и хозяйственной специализации. В работе применены методы сравнительного анализа с использованием ряда индикаторов: доля внешней торговли в валовом внутреннем продукте, индекс региональной ориентации страны, индекс сходства экспортных и импортных структур двух стран. В качестве эмпирической базы используются данные по десяти странам БРИКС+ за 2001, 2010 и 2023 годы на уровне укрупнённых товарных групп. Полученные результаты демонстрируют формирование устойчивых кластеров стран внутри блока с максимальным и минимальным структурным сходством, сохраняющуюся фрагментарность и асимметрию взаимных торгово-экономических связей, а также отсутствие единой траектории торгово-экономической интеграции в БРИКС+.

JEL codes: F02, F14, F15, F55

DOI: <https://doi.org/10.52957/2221-3260-2025-6-118-130>

Для цитирования: Гомулина, А.А. Эмпирический анализ экономической взаимозависимости стран БРИКС+ в контексте региональной ориентации внешней торговли / А.А. Гомулина. - Текст : электронный // Теоретическая экономика. - 2025 - 6. - С.118-130. - URL: <http://www.theoreticaleconomy.ru> (Дата публикации: 30.06.2025)

Введение

В начале XXI века образование группы БРИКС было направлено на создание платформы для координации усилий стран-участниц в области глобального экономического управления, а также укрепления экономического и социального сотрудничества между государствами-членами. В числе ключевых задач альянса рассматривались развитие инфраструктурной взаимосвязанности и содействие укреплению глобальной финансовой стабильности. Расширение формата до БРИКС+ в 2024 году ознаменовало важный этап эволюции трансрегиональных инициатив, стремящихся предложить альтернативу существующей архитектуре мирового экономического порядка.

Новые вызовы, связанные с институциональным, экономическим и культурно-ценностным разнообразием расширенного состава участников блока, существенно усложняют достижение согласованных решений внутри группы. Особенно остро подобные различия проявляются в вопросах

международной безопасности и прав человека [2]. Наряду с этим, в литературе подчеркивается уникальность БРИКС как вне территориального, а не регионального, объединения, что отличает его от традиционных интеграционных форматов. Несмотря на внутреннюю неоднородность, БРИКС рассматривается как перспективная модель долгосрочного международного экономического сотрудничества, способная усилить межстрановые связи [1] и способствовать становлению многополярного мира.

Экономическое взаимодействие в рамках БРИКС+ развивается в нескольких направлениях, среди которых одним из ключевых является сотрудничество в сфере международной торговли [26]. Среди основных задач отмечено противодействие протекционизму, ограничивающему доступ к глобальным рынкам. Существенным шагом на данном направлении можно считать принятие «Стратегии экономического партнёрства БРИКС+ до 2025 года» [23], в которой отмечен приоритет развития и повышения прозрачности взаимной торговли, а также усиления взаимодействия в экономике. Особый акцент в стратегии сделан на диверсификации производства и экспорта между странами объединения.

Несмотря на предпринимаемые усилия по сближению национальных экономик, реальный уровень экономической взаимозависимости в рамках БРИКС+ остаётся предметом научной дискуссии и требует комплексного количественного анализа. В академической литературе под экономической взаимозависимостью, как правило, понимается совокупность устойчивых торговых и инвестиционных связей, наличие комплементарных структур производства и экспорта, а также высокая степень интеграции стран в общие рынки ресурсов и товаров [13]. Взаимозависимость нередко рассматривается через призму внешней торговли [4], поскольку именно она служит индикатором сближения экономик и основой для формирования устойчивых региональных объединений [25]. При этом увеличение внешнеторговой взаимосвязанности может иметь двойственный эффект: с одной стороны, оно способствует синхронизации экономических циклов, с другой — увеличивает уязвимость стран перед внешними шоками [24].

Особую актуальность вопросы экономической взаимозависимости приобретают в условиях геополитической трансформации и роста протекционизма [8]. Изменение географии торговых потоков требует оценки направленности, качества и интенсивности связей между странами БРИКС+, позволяющей определить степень сближения участников как потенциального экономико-политического блока. В настоящей статье проверяется гипотеза о том, что характер торгово-экономической взаимозависимости в рамках БРИКС+ сохраняет фрагментарный и асимметричный характер. Как представляется, несмотря на институциональное расширение формата и активизацию его деятельности в последние годы, уровень фактической взаимозависимости остаётся ограниченным, что требует выработки более эффективных координационных механизмов.

Методы исследования

Для проверки выдвинутой гипотезы о фрагментарности и асимметричности торгово-экономической взаимозависимости в рамках БРИКС+ в работе используется индексный подход, основанный на совокупности взаимодополняющих количественных показателей, отобранных автором на основе рекомендаций специализированного регионального отделения ООН [22]:

- Индекс внешнеторговой зависимости (Trade-to-GDP Ratio, TGR) — отражает степень вовлечённости национальной экономики в международную торговлю;
- Индекс региональной ориентации (Regional Orientation Index, ROI) — измеряет интенсивность внутригрупповых торговых связей по сравнению с глобальной торговой активностью;
- Индекс сходства импортных структур [11] (Import Similarity Index, ISI) — оценивает структурную близость импортных профилей стран-участниц объединения;
- Индекс сходства экспортных структур (Export Similarity Index, ESI) — оценивает структурную близость экспортных профилей стран-участниц объединения.

Географическим объектом исследования выступают десять стран-членов БРИКС+ в составе

по состоянию на январь 2025 года: Бразилия, Египет, Индия, Индонезия, Иран, Китай, ОАЭ, Россия, Эфиопия и ЮАР [12, 21]. Хронологические рамки исследования установлены на основании «переломных точек» в эволюции объединения и включают в себя три ключевых периода: 2001, 2010 и 2023 г. [9] Для обеспечения согласованности сравнений во времени, во всех расчетах используется одинаковый перечень стран, несмотря на поэтапное расширение объединения.

Индекс внешнеторговой зависимости (TGR) отражает степень открытости экономики к внешней торговле и её зависимость от глобальных товарных потоков и рассчитывается по формуле (1).

$$TGR_i = \frac{X_i + M_i}{GDP_i} \times 100 \quad (1)$$

где:

X_i, M_i — совокупный экспорт и импорт страны i ;

GDP_i — валовой внутренний продукт страны i .

Высокие значения TGR свидетельствуют о включенности национальной экономики в глобальные товарные потоки, что подчеркивает ее зависимость от внешних шоков, санкций или изменений в мировой конъюнктуре. Кроме того, данный индекс даёт представление о масштабах внешнеэкономического сектора по отношению к внутреннему производству.

Индекс региональной ориентации (ROI) оценивает долю экспорта страны, приходящегося на партнёров внутри объединения, по отношению к среднему уровню для всех стран региона и рассчитывается по формуле (2):

$$ROI_i = \frac{\left(\frac{X_i^R}{X_i} \right)}{\left(\frac{X^R}{X^W} \right)} \quad (2)$$

где:

X_i^R — экспорт страны i в страны БРИКС+;

X_i — совокупный экспорт страны i ;

X^R — совокупный взаимный экспорт стран БРИКС+;

X^W — совокупный экспорт стран объединения.

Значения ROI выше единицы свидетельствуют о том, что страна делает акцент на торговлю с партнёрами по БРИКС+, указывая на формирование устойчивого внутреннего рынка и усиление экономического сплочения внутри блока.

Индекс сходства импортных структур (Import Similarity Index, ISI) измеряет степень совпадения импортных структур двух стран на основе сопоставления минимальных долей импорта по каждой товарной позиции. Далее приведена формула расчёта для пары стран i и j (формула 3):

$$ISI_{ij} = \sum_k \min \left(\frac{M_{ik}}{M_i}, \frac{M_{jk}}{M_j} \right) \quad (3)$$

где:

M_{ik} - импорт страны i по товарной позиции k ,

M_{jk} - импорт страны j по товарной позиции k ,

$M_{i,M}$ — совокупный импорт стран i и j .

Высокое значение ISI свидетельствует о значительном структурном сходстве импортных корзин и, как следствие, схожести экономических интересов, технологического уровня производства и потребительских предпочтений двух стран. Низкие значения ISI указывают на существенную дифференциацию импортных структур, как представляется, на отличия в степени индустриализации,

уровне развития ресурсной базы, а также специфике внешнеэкономических стратегий.

Индекс сходства экспортных структур (Export Similarity Index, ESI) измеряет степень совпадения структуры экспорта двух стран на основе сопоставления минимальных долей экспорта по каждой товарной позиции (формула 4).

$$ESI_{ij} = \sum_k \min \left(\frac{X_{ik}}{X_i}, \frac{X_{jk}}{X_j} \right) \quad (4)$$

где:

X_{ik} - экспорт страны i по товарной позиции k ,

X_{jk} - экспорт страны j по товарной позиции k ,

X_i, X_j — совокупный экспорт стран i и j .

Высокие значения ESI свидетельствуют о значительной структурной схожести экспортных корзин двух стран, что может указывать как на конкуренцию за одни и те же внешние рынки сбыта, так и на потенциал укрепления кооперации. Низкие значения ESI отражают структурную комплементарность и дифференциацию экспортных ниш стран. Применение данного индекса позволяет выявить степень интеграции, конкурентоспособности и стратегические позиции стран в международной торговле, а также служит инструментом для анализа потенциала и ограничений региональных экономических объединений.

Для обеспечения сопоставимости результатов в работе использовалась единая товарная классификация (МСТК, 2 знака), расчёты производились на основе билатеральных экспортных потоков между 10 странами БРИКС+ (всего 45 уникальных пар стран по каждому году).

Результаты

Анализ значений индекса TGR для стран БРИКС+ выявил ряд выраженных тенденций, отражающих дифференциацию траекторий (рис. 1).

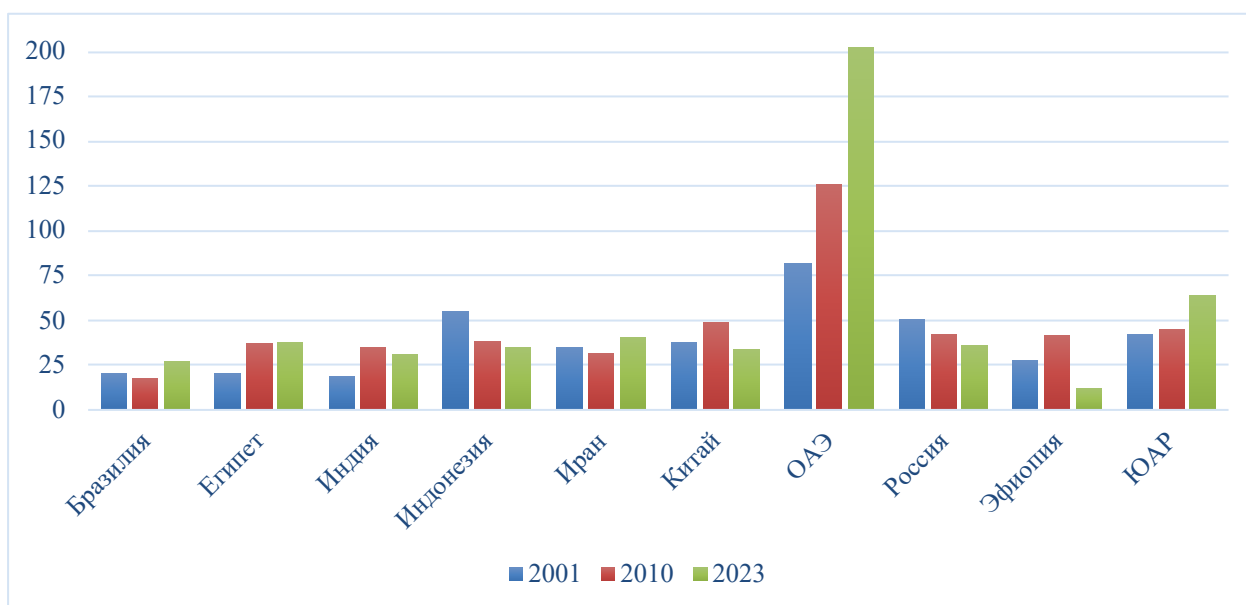

Рисунок 1 – Динамика показателя TGR по странам-членам БРИКС+ в 2001, 2010 и 2023 г.

Источник: составлено автором по данным [17]

Анализ значений индекса TGR по странам БРИКС+ за период 2001–2023 гг. указывает на выраженную неоднородность как по уровню торговой открытости, так и по направлениям её изменения. Характер динамики показателя варьируется от поступательного роста до устойчивого снижения или волнообразного поведения, что указывает на наличие значительных различий

в экономических моделях стран-участниц. Страны БРИКС+ можно условно классифицировать по типу динамики данного показателя. Такая классификация позволяет выявить структурные различия в уровне открытости национальных экономик и его эволюции в контексте глобальных и внутригрупповых экономических процессов.

К первой группе относятся страны с устойчиво высокой и растущей зависимостью от внешней торговли. Наиболее ярким примером выступают Объединённые Арабские Эмираты, у которых наблюдается рекордный рост TGR с 81,89% в 2001 году до 202,44% в 2023 году. Это отражает модель экономики, ориентированной на международные торгово-логистические операции и экспорт нефти [10]. Южно-Африканская Республика также демонстрирует поступательное увеличение показателя — с 42,46% до 63,95% за аналогичный период, что указывает на рост экспортного потенциала и усиление роли внешнего сектора в формировании ВВП [19].

Вторую группу составляют страны с поступательным ростом показателя TGR без резких колебаний. В частности, Египет показывает стабильную траекторию роста: с 20,06% в 2001 году до 36,98% в 2010 году и 37,78% в 2023 году. Подобная динамика свидетельствует о последовательной интеграции в международную торговлю и укреплении внешнеэкономической ориентации.

Третью группу образуют страны с волнообразной динамикой, в которой чередуются фазы роста и снижения внешнеторговой зависимости. К этой категории относится Китай, где TGR увеличился с 38,05% в 2001 году до пика 48,86% в 2010 году, а затем снизился до 33,36% в 2023 году. Такая траектория отражает структурный переход от экспортноориентированной модели [3] к модели, ориентированной на внутренний спрос. Сходная ситуация наблюдается в Индии, где после роста до 34,53% в 2010 году показатель снизился до 30,92% в 2023 году. Кроме того, в данную группу входят Бразилия и Иран, которые демонстрируют снижение в период 2001–2010 гг. и последующее восстановление к 2023 году: у Бразилии — с 20,83% до 17,82%, затем рост до 27,04%; у Ирана — с 34,89% до 31,83% и далее до 40,69%. Эфиопия также попадает в эту категорию: показатель достиг 41,55% в 2010 году, но затем резко снизился до 12,85% в 2023 году. Несмотря на общую волатильность, для Эфиопии характерно особенно выраженное сокращение торговой активности, что может быть связано с внутренними структурными [16] и институциональными ограничениями.

Четвёртую группу составляют страны с поступательным снижением внешнеторговой зависимости. В частности, Россия демонстрирует устойчивое снижение TGR с 50,4% в 2001 году до 36,22% в 2023 году. Такая динамика может быть обусловлена как внешнеполитическими ограничениями, так и реализацией политики импортозамещения [15]. Аналогичным образом, Индонезия последовательно снижает уровень внешнеторговой вовлечённости — с 55,39% до 35,06% за рассматриваемый период, что, вероятно, связано с изменением структуры экономики [20] и усилением внутреннего потребления.

Значение TGR не является универсальным индикатором развития, но в совокупности с другими метриками позволяет судить о направлении торговой политики, степени уязвимости к глобальным шокам и институциональной зрелости экономик. Разнонаправленная динамика показателя среди стран БРИКС+ частично подтверждает гипотезу об асимметричной торговой взаимозависимости, что должно учитываться при проектировании многосторонних механизмов экономической координации внутри блока.

Далее в работе рассмотрена динамика индекса региональной ориентации, который позволяет количественно оценить стратегическую направленность внешнеэкономических связей стран БРИКС+ на взаимный или внешний экспорт. Пороговым значением показателя является единица, что отражает нейтральную структуру экспортной направленности. При значении выше единицы преобладают внутриблоковые потоки, ниже — внешние. На этой основе страны БРИКС+ можно условно разделить на четыре группы. (таб. 1).

Первая группа охватывает страны, демонстрирующие углубление внутренней ориентации (ROI > 1 и растёт). Эти экономики к 2023 году устойчиво нарастили долю экспорта, направляемого

в страны объединения, что указывает на последовательное сближение экономических интересов и развитие внутренней взаимозависимости. К ним относятся: Бразилия, Индонезия и ЮАР. Так, Бразилия увеличила ROI с 1,15 в 2001 году до 2,02 в 2023-м, Индонезия — с 1,06 до 1,91, а ЮАР в 2023 году впервые преодолела порог 1, поднявшись с 0,65 до 1,07, что свидетельствует о значительном структурном сдвиге.

Таблица 1 – Классификация стран БРИКС+ по уровню и динамике ROI в 2001, 2010 и 2023 г.

Группа классификации	Страны	ROI 2001	ROI 2010	ROI 2023
Углубление внутренней ориентации	Бразилия	1,15	1,66	2,02
	Индонезия	1,06	1,29	1,91
	ЮАР	0,65	0,86	1,07
Ослабление ориентации	ОАЭ	1,21	1,70	1,33
	Индия	1,84	1,83	1,04
	Иран	2,13	1,88	1,38
	Эфиопия	1,10	1,60	1,56
Смешанная внешнеэкономическая траектория	Россия	1,08	0,63	1,00
Ограниченной внутренней ориентации	Китай	0,68	0,72	0,75
	Египет	1,02	0,65	0,73

Источник: составлено автором по данным [17]

Вторая группа объединяет страны со стабильным превышением ROI своего порогового значения, но с тенденцией к снижению, что отражает ослабление внутренней ориентации. Эти государства сохраняют значимую долю экспорта в пределах блока, однако постепенно ослабляют интенсивность взаимных связей, перераспределяя внешнеторговые потоки в сторону глобального рынка. К числу таких стран относятся: ОАЭ, Индия, Иран, а также Эфиопия. Показатель ROI для ОАЭ снизился с 1,70 в 2010 до 1,33 в 2023 году; Индии — с 1,84 до 1,04; Ирана — с 2,13 до 1,38. Эфиопия, несмотря на стабильно высокий уровень ROI (1,10–1,56), также демонстрирует постепенное снижение показателя после 2010 года, что может указывать на частичную переориентацию торговых интересов.

Третью категорию представляет группа стран с вариативной внешнеторговой траекторией, для которых значение ROI колеблется вблизи порогового уровня и не демонстрирует устойчивой направленности. Подобная динамика свидетельствует о неопределённости внешнеэкономической стратегии или структурных ограничениях, препятствующих усилению региональной кооперации. Единственным представителем этой группы является Россия, ROI которой сначала составлял 1,08 (2001), затем снизился до 0,63 (2010), но к 2023 году восстановился ровно до 1,00. Это отражает волатильный характер экспортной политики, в том числе под влиянием международных санкций и изменения структуры внешней торговли.

Наконец, четвёртая группа включает страны, демонстрирующие ограничения внутренней ориентации (ROI < 1 и/или снижается). Для этих экономик характерна устойчиво низкая доля экспорта, приходящаяся на страны БРИКС+; при этом наблюдается устойчивая тенденция к дальнейшему снижению внутригрупповой зависимости. В эту категорию входят Китай и Египет. Китай демонстрирует стабильно низкие значения ROI (от 0,68 до 0,75), несмотря на роль крупнейшего экспортёра, что указывает на глобальную ориентированность его внешней торговли. Египет, напротив, начинал с показателя ROI чуть выше порога (1,02), однако к 2023 году он снизился до 0,73.

Представленные данные подтверждают, что БРИКС+ обладает высокой внутренней асимметрией, так как страны в различной степени включены в региональную торговлю. Наличие общей тенденции в

сторону роста ROI для ряда стран (Бразилия, Индонезия, ЮАР) позволяет говорить об определенном экономическом сближении стран-участниц БРИКС+, хотя сохранение низких значений для Китая и умеренные показатели для России указывают на структурные ограничения внутриблоковой ориентации.

Оценка степени структурной близости импортных корзин в работе проводится с помощью матрицы значений индекса ISI по отдельным парам стран. Графически представленные значения иллюстрируются тепловой картой. Более насыщенные (зеленые) ячейки на карте отражают высокое значение индекса, что свидетельствует о значительном совпадении структуры импорта между соответствующими странами, тогда как более светлые ячейки указывают на выраженную дифференциацию импортных потоков (табл.2).

Таблица 2 – Тепловая карта показателя ISI стран-членов БРИКС+ за 2023 год.

	Бразилия	Египет	Индия	Индонезия	Иран	Китай	ОАЭ	Россия	Эфиопия	ЮАР
Бразилия		0,69	0,65	0,74	0,56	0,61	0,56	0,66	0,66	0,72
Египет	0,69		0,62	0,76	0,68	0,61	0,54	0,59	0,69	0,63
Индия	0,65	0,62		0,68	0,45	0,68	0,58	0,48	0,51	0,66
Индонезия	0,74	0,76	0,68		0,64	0,64	0,59	0,65	0,68	0,73
Иран	0,56	0,68	0,45	0,64		0,45	0,55	0,66	0,61	0,56
Китай	0,61	0,61	0,68	0,64	0,45		0,49	0,47	0,44	0,6
ОАЭ	0,56	0,54	0,58	0,59	0,55	0,49		0,62	0,57	0,63
Россия	0,66	0,59	0,48	0,65	0,66	0,47	0,62		0,59	0,67
Эфиопия	0,66	0,69	0,51	0,68	0,61	0,44	0,57	0,59		0,61
ЮАР	0,72	0,63	0,66	0,73	0,56	0,6	0,63	0,67	0,61	

Источник: составлено автором по данным [17]

Анализ тепловой карты индекса сходства импортных структур (ISI) между странами БРИКС+ за 2023 год выявляет выраженные различия в степени структурной близости импортных корзин участников объединения. Наиболее высокие значения ISI (выше 0,70) наблюдаются между Индонезией, Бразилией, ЮАР и Египтом: максимальный показатель зафиксирован в паре Индонезия-Египет ($ISI = 0,76$), а также Бразилия-Индонезия ($ISI = 0,74$) и между Бразилией и ЮАР ($ISI = 0,72$). Это свидетельствует о существенной схожести структуры импорта данных стран, что отражает близость уровней экономического развития и сходство внешнеторговых стратегий [5], ориентированных на импорт промышленной продукции, оборудования и готовых товаров. В то же время наименьшие значения индекса (0,45–0,48) характерны для пар с участием Китая и Эфиопии, Китая и Египта, а также Индии и Ирана ($ISI = 0,45$). Это указывает на значительные различия в структуре импортных потоков: например, Китай, обладая развитой индустриальной базой, импортирует преимущественно сырьё и комплектующие для высокотехнологичных производств, тогда как Эфиопия, Египет и Иран [14] ориентированы на импорт готовых товаров и оборудования.

Вместе с тем ретроспективный анализ индекса сходства импортных структур (ISI) между странами БРИКС+ выявляет устойчивые кластеры внутри объединения. Наиболее высокие значения ISI на всём протяжении наблюдаемого периода характерны для пар Бразилия — Индонезия, Бразилия — ЮАР, Индонезия — ЮАР, Египет — Индонезия. Для этих пар отмечается либо стабильно высокая степень совпадения импортных корзин, либо умеренное снижение индекса на фоне растущей

диверсификации внешнеторговых связей. Например, ISI между Бразилией и Индонезией составлял 1,0 в 2001 году, 0,78 в 2010 и 0,74 в 2023, что свидетельствует о сохраняющемся структурном сходстве импорта, несмотря на постепенное усложнение экономик. Сходная траектория наблюдается для пар Бразилия — ЮАР (с 0,74 в 2001 до 0,72 в 2023) и Индонезия — ЮАР (с 0,92 до 0,73).

Особого внимания заслуживает пара Египет — Индонезия, где в 2001 году фиксируется экстремально высокое значение ISI (0,94), затем снижение до 0,69 в 2010 и новый рост до 0,76 в 2023. Такая динамика может быть связана с влиянием изменений в структуре мировой торговли, а также с внутренними реформами [18] в указанных странах.

В противоположность этому, минимальные значения индекса на всем интервале характерны для пар Индия — Иран, Китай — Эфиопия, Китай — Египет. Для пары Индия — Иран отмечается поступательное снижение ISI (с 0,51 в 2001 до 0,45 в 2023), что указывает на растущую дифференциацию импорта в результате различий в национальных отраслях и внешнеэкономических стратегиях. Для пары Китай — Эфиопия индекс снизился с 0,55 до 0,44, а для Китай — Египет — с 0,59 до 0,61, что также свидетельствует о сохраняющихся различиях в структуре спроса на импортируемую продукцию.

В целом динамика ISI в разрезе двух десятилетий подтверждает наличие устойчивых кластеров стран с максимальным совпадением импортных структур, прежде всего среди экономик со сходными моделями развития и уровнями технологической зависимости. Одновременно, для ряда пар сохраняется устойчивая структурная асимметрия, что отражает фрагментарный характер экономической взаимозависимости и ограничивает потенциал формирования единого рынка БРИКС+.

Сравнительный анализ экспортных профилей позволяет более полно оценить потенциал внутригрупповой конкуренции и кооперации, а также выявить, насколько страны БРИКС+. Визуализация показателя ESI представлена в формате тепловой карты (табл.3), в которой более насыщенный зеленый цвет соответствует высоким значениям ESI, что свидетельствует о значительной структурной близости экспортных профилей между странами. В свою очередь, желтый цвет отражает низкие значения индекса, указывая на существенные различия в структуре экспорта отдельных пар стран объединения.

Таблица 3 – Тепловая карта показателя ESI стран-членов БРИКС+ за 2023 год.

	Бразилия	Египет	Индия	Индонезия	Иран	Китай	ОАЭ	Россия	Эфиопия	ЮАР
Бразилия		0,37	0,51	0,4	0,41	0,27	0,4	0,44	0,27	0,46
Египет	0,37		0,56	0,43	0,65	0,38	0,48	0,45	0,33	0,44
Индия	0,51	0,56		0,46	0,52	0,55	0,6	0,48	0,19	0,44
Индонезия	0,4	0,43	0,46		0,4	0,4	0,35	0,42	0,16	0,5
Иран	0,41	0,65	0,52	0,4		0,28	0,47	0,5	0,23	0,4
Китай	0,27	0,38	0,55	0,4	0,28		0,37	0,22	0,14	0,36
ОАЭ	0,4	0,48	0,6	0,35	0,47	0,37		0,63	0,23	0,39
Россия	0,44	0,45	0,48	0,42	0,5	0,22	0,63		0,12	0,44
Эфиопия	0,27	0,33	0,19	0,16	0,23	0,14	0,23	0,12		0,21
ЮАР	0,46	0,44	0,44	0,5	0,4	0,36	0,39	0,44	0,21	

Источник: составлено автором по данным [17]

Анализ матрицы индекса сходства экспортных структур (ESI) между странами БРИКС+ за 2023

год позволяет обнаружить выраженную неоднородность экспортных профилей стран объединения. Наиболее высокое совпадение структуры экспорта фиксируется в парах Иран — Египет ($ESI = 0,65$), Россия — ОАЭ ($0,63$), Индия — ОАЭ ($0,60$), а также Китай — Индия ($0,55$). Высокие значения ESI в этих случаях объясняются схожей отраслевой специализацией. В частности, иранский и египетский экспорт традиционно включает значительный удельный вес нефти, нефтепродуктов, удобрений и химии, а также металлургии и сельскохозяйственного сырья [7], что формирует структурную близость экспортных корзин. В паре Россия — ОАЭ заметную роль играет доминирование топливно-энергетических товаров, металлов и продукции химической промышленности. Высокий ESI между Индией и ОАЭ связан с устойчивыми поставками минеральных продуктов, ювелирных изделий и переработанных товаров, а также интенсивной реэкспортной деятельностью ОАЭ.

В то же время минимальные значения индекса (ниже $0,20$) характерны для пар с участием Эфиопии (например, Эфиопия — Китай, Эфиопия — Индонезия, Эфиопия — Бразилия). Причиной столь малого совпадения экспортных структур может являться специфика экономического развития стран: Эфиопия остаётся преимущественно аграрной страной с узкой экспортной корзиной [16], где преобладают кофе, бобы и цветы, тогда как страны-партнёры ориентированы на экспорт промышленных и высокотехнологичных товаров, энергоносителей и продукции глубокой переработки. Сходная ситуация наблюдается и для других африканских экономик, экспорт которых слабо диверсифицирован и существенно отличается от структуры экспорта ведущих участников блока.

В целом полученные результаты анализа показателя ESI за 2023 год позволяют судить о формировании устойчивых групп стран с максимальной структурной схожестью экспортных корзин (Иран, Египет, ОАЭ, Россия, Индия), на фоне сохраняющейся глубокой асимметрии между промышленно развитыми и преимущественно аграрными экономиками БРИКС+.

Ретроспективный анализ индекса сходства экспортных структур указывает на выраженное разделение стран на кластеры по степени структурной близости экспортных корзин. Наиболее высокие значения ESI в 2023 году зафиксированы для пар Иран — Египет ($0,65$), Россия — ОАЭ ($0,63$), Индия — ОАЭ ($0,60$), а также Китай — Индия ($0,55$). Динамика по этим парам показывает, что степень сходства их экспортных структур постепенно увеличивалась: так, для Ирана и Египта ESI вырос с $0,49$ в 2001 году до $0,55$ в 2010 и $0,65$ в 2023, что связано с усилением специализации на минеральных и химических товарах [14], а также продовольственной продукции. Для России и ОАЭ аналогичный показатель увеличился с $0,54$ до $0,63$ за наблюдаемый период, отражая доминирование топливно-энергетического и металлургического секторов, а также постепенное сближение позиций в области высокотехнологичного экспорта. Между Индией и ОАЭ ESI вырос с $0,44$ (2001) до $0,53$ (2010) и $0,60$ (2023), что объясняется диверсификацией поставок минеральных продуктов, текстиля и ювелирных изделий, а также активным развитием реэкспортных схем через ОАЭ. Схожая тенденция отмечается для пары Китай — Индия, где индекс увеличился с $0,41$ до $0,55$, что указывает на сближение экспортных корзин за счёт развития химической, металлургической и электронной промышленности [6].

На другом полюсе находятся пары с минимальным совпадением экспортных структур — в первую очередь с участием Эфиопии. Так, значения ESI для пар Эфиопия — Китай, Эфиопия — Индонезия, Эфиопия — Бразилия в 2023 году составляют $0,14$ – $0,19$ и остаются стабильно низкими на всём анализируемом интервале ($0,18$ – $0,22$ в 2001, $0,17$ – $0,25$ в 2010). Это свидетельствует о сохраняющейся глубокой дифференциации экспортных корзин, обусловленной аграрным профилем экспорта Эфиопии (преобладание сырья и сельхозпродукции) на фоне индустриального или ресурсного экспорта других стран. Данные различия практически не сглаживаются за два десятилетия, что подтверждает устойчивое разделение внутри БРИКС+ на страны с высокой и низкой степенью структурного сближения.

Резюмируя, за последние двадцать лет пары стран с близкой экономической специализацией (например, Иран — Египет, Россия — ОАЭ, Индия — ОАЭ) последовательно усиливали структурное

сходство экспортных корзин, что отражает растущее совпадение интересов на мировых рынках. В то же время для стран с разным уровнем индустриализации (особенно для Эфиопии) сохраняется устойчивая структурная асимметрия.

Заключение

Проведённый комплексный анализ экономической взаимозависимости стран БРИКС+ через призму региональной ориентации и структурных индексов внешней торговли позволил выявить ряд особенностей, определяющих специфику процессов, происходящих внутри объединения. Полученные результаты подтверждают выдвинутую автором гипотезу о фрагментарном и асимметричном характере торгово-экономических связей между странами БРИКС+ в долгосрочной ретроспективе.

Во-первых, анализ показателей внешнеторговой зависимости (TGR) продемонстрировал высокую неоднородность траекторий внешнеэкономического развития стран-участниц. Для ряда экономик, таких как ОАЭ, ЮАР, Индонезия и Египет, характерен поступательный рост степени вовлечённости во внешнюю торговлю, в то время как для Китая, Индии и России отмечается волатильная или строго негативная динамика на фоне изменения глобальных и внутренних стратегий развития. Это подтверждает значимые различия во внешнеэкономических моделях стран БРИКС+.

Во-вторых, индекс региональной ориентации (ROI) позволил выявить группы стран с углубляющейся внутригрупповой ориентацией (Бразилия, Индонезия, ЮАР), а также государства, демонстрирующие отход от внутренней интеграции в пользу глобальных рынков (Китай, Египет). Этот результат отражает сложную конфигурацию интересов и подтверждает асимметрию внутри объединения, где наряду с нарастающей внутренней торговлей сохраняется значительный внешний вектор.

В-третьих, анализ структурной близости экспортных и импортных корзин с помощью ESI и ISI выявил устойчивое существование групп стран с максимальным совпадением профилей (Иран — Египет, Россия — ОАЭ, Индия — ОАЭ), а также сохраняющуюся фрагментарность для стран с аграрной специализацией, таких как Эфиопия. Динамика за последние два десятилетия указывает на постепенное сближение структур экспорта и импорта в ряде пар, однако для большинства сочетаний сохраняется выраженная структурная асимметрия. Это свидетельствует о том, что потенциал формирования единого рынка внутри БРИКС+ ограничен различиями в производственных, ресурсных и технологических основах экономик участников.

В целом, результаты исследования подтверждают, что несмотря на количественное расширение и наметившиеся тенденции экономического сближения отдельных стран-членов, группа БРИКС+ в целом пока демонстрирует фрагментарную и асимметричную экономическую взаимозависимость. Уникальность БРИКС+ заключается в его неинтеграционном характере: объединение формируется не вокруг единых рынков или наднациональных институтов, а на базе декларируемой общности интересов по ключевым вопросам мирохозяйственной повестки. В условиях значительных различий экономических структур и моделей развития, участники блока демонстрируют стремление к согласованию подходов по отдельным секторам и координации позиций на международной арене. Это проявляется в поиске гибких форм взаимодействия и развитии механизмов внутри- и межотраслевого сотрудничества, позволяющих учитывать специфику национальных экономик, а также эффективно продвигать коллективные интересы на глобальном уровне.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бабаев, К. В. И вширь, и вглубь / К. В. Бабаев, С. В. Лавров // Россия в глобальной политике. – 2023. – Т. 21, № 5(123). – С. 69-81. – DOI 10.31278/1810-6439-2023-21-5-69-81. – EDN ZJKSKN.
2. Баваскар Р. БРИКС в переходный период: критический анализ возможностей и проблем в рамках формирующегося глобального порядка // Современная мировая экономика. Том 2. №4(8). EDN: IHENYP
3. Бекулова С. Р. Развитие промышленных отраслей, ориентированных на внутренний рынок, в условиях санкций: перспективы применения опыта Китая в России // Вестник СИБИТа. 2023. №3. с. 67–73.
4. Болдуин Р. Регионализм XXI века: заполнение разрыва между торговлей XXI века и торговыми правилами XX века // Рабочий документ персонала ВТО. – Женева : Всемирная торговая организация, 2011. URL: <https://www.wto-ilibrary.org/content/papers/25189808/107/read> (дата обращения: 26.04.2025).
5. Борзова А. Ю., Да Коста Сантос Д., Сибарани Даме М. Бразилия и Индонезия: горизонты стратегического партнерства // Латинская Америка. – 2020. – Выпуск № 6 С. 95-110. DOI: 10.31857/S0044748X0009595-3
6. Бочков, Д. А. Как китайско-индийское экономическое сотрудничество влияет на конфликтный потенциал двусторонних отношений / Д. А. Бочков // Международная жизнь. – 2023. – № 7. – С. 28-45. – EDN PGXOTD.
7. Виноградова, И. В. Современные тенденции во внешнеторговой политике стран Ближнего Востока / И. В. Виноградова // Российский внешнеэкономический вестник. – 2023. – № 9. – С. 105-118. – DOI 10.24412/2072-8042-2023-9-105-118. – EDN KSUAAR.
8. Выступление Либмана Александра Михайловича с докладом на тему «Теория региональной интеграции и трансформация мировой экономики» в рамках пленарной конференции МАЭФ-2025 «Экономика России в условиях обострения глобальных противоречий» <https://www.instituteofeurope.ru/images/news/052025/05062025.pdf> (дата обращения: 05.06.2025).
9. Гомулина А. А., Сапир Е. В. От развивающихся стран к глобальному экономическому объединению: неизбежность создания БРИКС+ // Анализ состояния и перспективы развития экономики России: материалы VIII Всероссийской молодежной научно-практической конференции (с международным участием), Иваново, 30 апреля 2024 года. – Иваново : Ивановский государственный энергетический университет им. В. И. Ленина, 2024. – С. 312–315. – EDN SBGPOC.
10. Гудзенко, А. Е. Структурные изменения в экономике и внешней торговле ОАЭ / А. Е. Гудзенко, В. Н. Кириллов, А. Н. Зеленюк // Российский внешнеэкономический вестник. – 2023. – № 6. – С. 98-110. – DOI 10.24412/2072-8042-2023-6-98-11. – EDN FFWKXP.
11. Гурова, И. П. Структурные предпосылки региональной торговли на пространстве СНГ / И. П. Гурова // Новый университет. Серия: Экономика и право. – 2015. – № 5(51). – С. 5-10. – EDN UBIPCX.
12. Йоханнесбургская декларация-II // Министерство иностранных дел РФ. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1901504/ (дата обращения: 20.04.2025).
13. Киохан Р. О., Най Дж. С. Власть и взаимозависимость: мировая политика в переходный период // Бостон : Литтл, Браун, 1977. URL: <https://archive.org/details/powerinterdepend00robe/page/n7/mode/2up> (дата обращения: 26.04.2025)
14. Козырев А.С., Иран в мировой торговле: современное состояние внешней торговли и интеграции // Экономика и управление. 2025. №1. С. 114-125
15. Конобеева А.Б., Маркова О.В. Особенности и перспективы реализации политики импортозамещения в России // Вестник МФЮА. 2024. №1. С. 61-77
16. Конохова, М. В. Внешнеэкономический потенциал Эфиопии / М. В. Конохова // Ученые записки Института Африки РАН. – 2022. – № 3(60). – С. 39-52. – DOI 10.31132/2412-5717-2022-60-3-39-52. – EDN YJJTDS.
17. Конференция ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД). URL: <https://unctadstat.unctad.org/>

datacentre/dataviewer/US.GDPTotal (дата обращения: 02.05.2025).

18. Куклин, Н. С. Исламский вектор во внешней и внутренней политике Индонезии: историческая ретроспектива. (Статья первая) / Н. С. Куклин // Россия и мусульманский мир. – 2021. – № 3(321). – С. 88-102. – DOI 10.31249/rimm/2021.03.06. – EDN FOBWDZ.

19. Лукашин Ю. П. Экономика Южно-Африканской республики в многополярном мире / Ю. П. Лукашин, Л. И. Рахлина. DOI 10.25634/MIRBIS.2023.3.1 // Вестник МИРБИС. 2023; 3, с. 6–21

20. Мельянцев, В. А. Основные факторы экономического роста Индонезии - четвертой экономики Азии / В. А. Мельянцев, И. С. Адрова // Вестник Института экономики Российской академии наук. – 2021. – № 1. – С. 86-106. – DOI 10.24412/2073-6487-2021-1-86-106. – EDN QMCWPF.

21. О присоединении Индонезии к БРИКС // Министерство иностранных дел РФ. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1990842/ (дата обращения: 20.04.2025).

22. Статистика торговли в разработке политики: Справочник по наиболее часто используемым торговым индексам и показателям. Переработанное издание. – Нью-Йорк : Организация Объединенных Наций, 2009. – (ST/ESCAP/255)

23. Стратегия экономического партнёрства БРИКС до 2025 года // Министерство экономического развития РФ. URL: <https://www.economy.gov.ru/material/file/636aa3edbc0dcc2356ebb6f8d594cb0/1148133.pdf> (дата обращения: 26.04.2025)

24. Франклин Дж. А., Роуз А. К. Эндогенность критериев оптимальной валютной зоны // Экономический журнал. – 1998. – Т.108, № 449. URL: https://www.researchgate.net/publication/4894207_The_Endogeneity_of_Optimum_Currency_Area_Criteria (дата обращения: 26.04.2025).

25. Шанхайская организация сотрудничества: экономическая интеграция и национальные интересы / Отв. ред.: Татаркин А.И., Черешнев В.А., Расулев А.Ф. - Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2010. 774 с.

26. Ярыгина, И. З. Торгово-экономическое сотрудничество БРИКС: проблемы и перспективы / И. З. Ярыгина, А. В. Жигляева // Экономика. Налоги. Право. – 2020. – Т. 13, № 4. – С. 110-120. – DOI 10.26794/1999-849X-2020-13-4-110-120. – EDN IFZXDН.

An Empirical Analysis of Economic Interdependence of BRICS+ Countries in the Context of Regional Orientation of Foreign Trade

Antonina Alekseevna Gomulina

Postgraduate Student,

Yaroslavl State University named after P.G. Demidov, Yaroslavl, Russian Federation

E-mail: gomulina_a@list.ru

KEYWORDS

economic interdependence, BRICS+, trade structure, regional orientation, structural similarity, associations of a non-integration type

ABSTRACT

The growing economic influence of Global South countries and the establishment of BRICS+ as a major economic and political actor have necessitated a revision of classical approaches to assessing interdependence among countries within integration associations. The research aims to identify patterns of trade and economic interaction among BRICS+ countries based on an analysis of the direction and structural similarity of their export and import baskets. The relevance of the problem under study is determined by the uniqueness of the bloc, which lacks supranational institutions and unites economies with different levels of economic development and economic specialization. The study employs comparative analysis methods using several indicators: the share of foreign trade in gross domestic products, the country's regional orientation index, and the index of similarity between the export and import structures of two countries. The empirical base consists of data on ten BRICS+ countries for 2001, 2010, and 2023 at the level of aggregated commodity groups. The findings demonstrate the formation of stable clusters of countries within the bloc with maximum and minimum structural similarities, the persistence of fragmented and asymmetric mutual trade and economic ties, as well as the absence of a unified trajectory for trade and economic integration within BRICS+.
